

ПРОЕКТ

Искупление

Александр Грант

психологический триллер

Александр Грант

Проект «Искушение»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73549928

SelfPub; 2026

Аннотация

Читая эту книгу, вы окупётесь в мир захватывающего психологического триллера и фантастики. Марк – успешный архитектор, живущий в «стеклянном замке» своей мечты. Его жизнь – образец симметрии и достатка: красавица-жена, престижные тендеры, дом, признанный шедевром. Но идеальный бетон дает трещину, когда в лесу за панорамным окном появляется тень из прошлого, которого не должно быть.

В один миг реальность начинает двоиться. Дорогая вилла превращается в затхлую хрущевку, а любящая жена – в холодного надзирателя. Кто он на самом деле: гений, построивший империю, или нищий рабочий Виктор, укравший чужую жизнь восемь лет назад под грохот рухнувшего терминала?

В доме, который помнит каждый его грех, Марку придется провести «испытание под нагрузкой». И когда стены начнут сжиматься, единственным выходом окажется правда, замурованная в самом фундаменте.

Психологический триллер о цене успеха, двойниках и ловушках, которые мы строим для самих себя.

Содержание

Глава 1	5
Идеальный угол	5
Глава 2	19
Эхо в пустом доме	19
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Грант

Проект "Искушение"

Взойди на гору, она тобою прочная

Глава 1

Идеальный угол

Марк любил бетон. Не тот серый, крошащийся состав, из которого лепили типовые многоэтажки в его детстве, а «честный» архитектурный бетон – гладкий, холодный, с едва уловимым матовым блеском. Его дом, выросший на краю хвойного леса, был манифестом этого материала – стекло, сталь и бетон, и никаких лишних деталей, и никакого визуального шума.

Он стоял у кухонного острова, сжимая в руке тяжелый стакан из граненого хрусталя. Вода внутри была ледяной, но Марк не пил. Он смотрел на отражение заката, который медленно сползал по панорамному окну, превращая сосны в черные острые пики.

– Тридцать два градуса, – произнес он вслух, проверяя угол наклона тени от массивной колонны.

Все в этом доме было подчинено его воле. Каждый стык плит, каждая скрытая петля на дверях-невидимках. Коллеги называли его «хирургом пространства». Он не просто строил дома – он вырезал из хаоса природы идеальные куски порядка.

Тишина была абсолютной. Система «умный дом» подав-

ляла любые звуки извне, оставляя лишь едва слышный шелест вентиляции. Анна должна была вернуться через час. У него было время, чтобы насладиться триумфом в одиночестве: сегодня его бюро выиграло тендер на проектирование нового музейного квартала. Это была вершина. Дальше – только международное признание.

Марк поставил стакан на мраморную поверхность. Звук получился слишком резким, почти как выстрел. Он поморщился.

Внизу, в гараже, мягко вздохнул гидравлический затвор. Анна вернулась раньше. Марк поправил воротник рубашки перед зеркальным панно. Ему нравилось, как они выглядят вместе: пара из рекламного буклета. Успешный архитектор и его утонченная жена.

– Марк? Ты здесь? – ее голос донесся снизу, чистый и звонкий.

– В гостиной, – отозвался он, наливая ей минеральной воды ровно до половины стакана.

Анна вошла, пахнувшая свежим воздухом и дорогими духами. Она улыбнулась и легко поцеловала его в щеку.

– Как прошел тендер? – спросила она, снимая тонкий шарф.

– Мы взяли его, Аня. Квартал наш.

Она радостно вскрикнула и обняла его. Марк улыбался, глядя через ее плечо в огромное окно. И именно в этот момент он заметил, что

там, где начиналась густая стена сосен, стояла фигура, мужчина в темной куртке. Он не прятался, он просто стоял на границе участка и смотрел прямо в их освещенную гостиную, в этот аквариум, где Марк и Анна были как на ладони.

Марк замер. Его объятия стали механическими.

– Дорогой? – Анна отстранилась. – Что-то не так?

Марк медленно перевел взгляд на жену – в ее глазах была только гордость и нежность, ни тени подозрения.

– Просто не верится, Аня, – солгал он, чувствуя, как во рту пересохло. – Столько месяцев работы...

Он снова глянул в окно – фигура исчезла. Там, где секунду назад стоял человек, теперь была лишь сплошная тьма. «Показалось», – пронеслось в голове. Но архитектор не может ошибаться в пропорциях. Там кто-то был. Кто-то, кто знал, куда смотреть.

– Давай закажем ужин? – предложила Анна. – Отпразднуем.

– Да, – кивнул Марк. – Я только проверю почту внизу и поднимусь.

Он солгал во второй раз за пять минут. Ему не нужна была

почта. Марку нужно было добраться до мониторов системы безопасности и убедиться, что его идеальный мир всё еще принадлежит только ему.

Марк спускался по лестнице – консольной, парящей в воздухе конструкции из темного дуба. Каждый шаг отзывался в его висках глухим молотом. Он старался дышать ровно, чтобы Анна, оставшаяся наверху, не услышала в отголосках его походки ничего необычного. Для нее он просто успешный муж, который пошел проверить деловую переписку. Для себя – человек, чей карточный домик только что качнулся от легкого сквозняка.

Его кабинет находился в цокольном этаже, наполовину уходящем в скалистый грунт. Здесь всегда было на пару градусов прохладнее. Марк щелкнул выключателем, и скрытая диодная лента под потолком залила комнату мертвенно-белым светом.

На массивном столе из цельного слэба лежали чертежи Музейного квартала, его новый шедевр. Глядя на безупречные линии фасадов, Марк почувствовал не гордость, а липкий, холодный укол под ребрами. Прошлое не уходит просто так, оно всегда ждет в тени, как не застывший бетон, готовый поглотить того, кто оступится.

Марк сел в кресло и активировал мониторы системы «Периметр-С». Четыре экрана вспыхнули одновременно, заполняя комнату призрачным сиянием.

– Камера семь, – скомандовал он негромко. – Повтор за

последние пять минут. Увеличение сектора С-4.

Экран мигнул. Картинка в инфракрасном режиме была зернистой, но четкой. Вот он сам стоит у окна, обнимая Анну. Вот сосны, похожие на зазубренные копья. Марк впился глазами в то место, где видел незнакомца.

Никого.

Только ветки, качающиеся на ветру. Марк перемотал еще на три минуты назад, затем на пять – лес был пуст и никаких тепловых следов, которые неизбежно оставляет человеческое тело в прохладном вечернем воздухе. Сенсоры движения, настроенные на объекты тяжелее десяти килограммов, молчали.

– Ошибка восприятия? – прошептал он, чувствуя, как по спине ползет холодная капля пота. – Игры света?

Он открыл лог событий безопасности. Система не фиксировала пересечение лазерного барьера. Датчики вибрации на ограждении не дрогнули ни разу за вечер. Это означало либо то, что Марку всё померещилось на почве стресса, либо... либо тот, кто был в лесу, знал архитектуру безопасности этого дома лучше, чем сам создатель.

Марк потянулся к мышке, чтобы закрыть программу, но его рука замерла. На восьмом мониторе – том, что смотрел на въездные ворота – мелькнуло что-то странное. Короткий блик, словно отражение фар на мокром асфальте. Но никаких машин не было.

Он увеличил изображение. На бетонном парапете у ворот

лежал небольшой серый сверток. Он выглядел чужеродным пятном на идеальной серой поверхности.

«Когда он там появился? – пронеслось в голове. – Десять минут назад там было пусто».

Марк быстро прокрутил запись назад. Пять минут, семь, десять... И тут он увидел, что запись на восьмой камере просто «прыгнула». Секунду назад парапет был пуст, а в следующую – на нем уже лежал пакет, словно кто-то вырезал ровно три секунды эфира.

– Это невозможно, – Марк почувствовал, как во рту становится горько. – Система замкнутая. Удаленного доступа нет.

В этот момент сверху донесся приглушенный звук – Анна уронила что-то на кухне. Звон разбитого стекла эхом разнесся по вентиляционным шахтам и затих в стерильной тишине кабинета.

Марк вздрогнул. Ему нужно было подняться и нужно было снова стать тем Марком, который выигрывает тендеры и пьет дорогое вино. Но теперь он знал: в его «стерильном» мире завелся вирус.

Марк сидел неподвижно, глядя на замерший кадр восьмой камеры. Три секунды. Всего три секунды цифрового провала, в которые уместилось чье-то незримое присутствие. Для обычного человека это могло быть техническим сбоем, капризом провайдера или скачком напряжения. Но Марк проектировал этот серверный узел так же тщательно, как и несущ-

щие конструкции дома. «Периметр-С» не давал сбоев. Он был избыточен, автономен и защищен слоями шифрования, которые стоили как небольшой пригородный особняк.

Кто-то вырезал время. Кто-то прошел сквозь его реальность, не оставив следа в памяти машин, но оставив физический отпечаток на парапете.

Марк медленно протянул руку к пульту управления светом в кабинете. Его пальцы, всегда точные и сухие, когда он держал рапидограф или стилус планшета, теперь казались чужими. Он уменьшил яркость до пяти процентов. Кабинет погрузился в густой, сизый полумрак, в котором светились только прямоугольники мониторов.

Ему хотелось остаться здесь. В этом бетонном коконе под тоннами земли, где стены были толщиной в полметра. Здесь он чувствовал себя в безопасности, но сверху, из мира стекла и воздуха, доносились звуки жизни.

– Марк? – голос Анны по интеркому прозвучал неожиданно резко, заставив его вздрогнуть. – Ты там заснул? Ужин на столе.

– Иду, – выдохнул он в микрофон консоли. Его голос прозвучал слишком хрипло. Он откашлялся. – Да, Аня. Пару минут. Возникли вопросы по спецификации камня.

Он выключил мониторы. Тьма накрыла его мгновенно. Марк подождал несколько секунд, позволяя глазам привыкнуть к темноте. В этой тишине он вдруг услышал дом. Раньше этот звук его успокаивал – едва уловимая вибрация вен-

тиляционных турбин, тихий щелчок реле в щитовой. Но сейчас тишина казалась дырявой, словно в шелест воздуха подмешивалось чье-то чужое рваное дыхание.

Он вышел из кабинета и начал подниматься по лестнице.

Каждая ступень из темного дуба стоила триста евро. Марк помнил это, потому что сам утверждал смету. Он помнил, как спорил с поставщиком из-за текстуры дерева – ему хотелось, чтобы волокна шли строго параллельно перилам. Сейчас эта дотошность казалась ему нелепой, почти безумной. Какое значение имеет направление волокон дерева, если фундамент его спокойствия только что треснул?

Он шел мимо панорамных окон лестничного пролета. Теперь он не смотрел в лес. Он боялся увидеть там не просто фигуру, а свое собственное отражение – человека, который построил себе идеальную клетку.

Дом, который он создал как символ своей свободы и силы, внезапно обернулся против него. Прозрачность стен, которой он так гордился, теперь была его главной слабостью. Любкой, кто стоял там, в темноте под соснами, видел его жизнь во всех деталях. Он видел, как Марк пьет воду, как он поправляет галстук, как он целует жену.

В гостиной по-прежнему пахло запеченной рыбой и воском. Свет свечей дрожал, отбрасывая на бетонные стены длинные ломаные тени. Анна уже сидела за столом. Она сменила домашний джемпер на легкое шелковое платье стального цвета. В полумраке она выглядела как часть интерьера

– безупречная, холодная, идеальная.

– Ты слишком много работаешь, Марк, – сказала она, не оборачиваясь. Она смотрела на пламя свечи. – Даже в такие дни ты не умеешь отпускать контроль.

Марк замер на пороге столовой. Эти слова – «отпускать контроль» – ударили его сильнее, чем если бы она его ударила.

– Контроль – это то, что отличает архитектуру от груды камней, – ответил он, стараясь придать голосу привычную уверенность. – Ты же знаешь, что без контроля всё рассыпается.

Он прошел к своему месту и сел. Между ними на столе лежала та самая серая упаковка, которую она принесла от ворот. Она не вскрыла её. Пакет просто лежал на льняной салфетке и выглядел как грязное пятно на стерильной скатерти.

– Что это? – спросил он.

– Я же сказала, курьер, – Анна подняла глаза. В их глубине Марк не увидел ничего, кроме спокойного любопытства. – Он был очень настойчив. Сказал, что это «критическое дополнение» к твоему новому проекту. Я подумала, может быть это образцы фурнитуры? Он довольно тяжелый.

Марк протянул руку к пакету. Его пальцы коснулись холодного влажного пластика. Пакет пах лесом и чем-то еще... чем-то химическим, резким.

– Странно, – пробормотал он. – Все образцы присылают в офис.

– Может, кто-то хотел сделать тебе сюрприз? – Анна чуть склонила голову набок. – Открой его. Мне самой интересно, что там такого важного, что курьеры прыгают через заборы. Марк замер.

– Прыгают через заборы? Ты видела, как он вошел? Анна рассмеялась, и этот звук показался Марку неестественно громким в тихом доме.

– Нет, конечно. Но ворота были заперты, я проверяла через приложение. А пакет оказался на крыльце. Значит, он либо умеет летать, либо у него есть ключи.

Она сказала это как шутку, но Марку стало холодно. У него не было сил спорить. Он взял нож для масла – тонкий, идеально сбалансированный – и подцепил край пластиковой упаковки.

Внутри не было фурнитуры. Там не было чертежей или спецификаций.

Внутри лежал старый, потрепанный **ежедневник в кожаном переплете**, стянутый разохшейся резинкой. Кожа была исцарапана, а уголки страниц пожелтели от времени и сырости.

Марк почувствовал, как мир вокруг него начинает медленно вращаться, теряя фокус. Он узнал этот ежедневник. Он видел его сотни раз в руках человека, чье имя он поклялся

ся никогда не произносить вслух.

Марк не открыл ежедневник. Он лишь коснулся пальцами шершавой кожи, и это прикосновение отозвалось в его ладони коротким электрическим разрядом. Кожа была старой, со следами глубоких царапин, словно по ней когда-то прошли когтями. На корешке виднелся темный след – то ли от пролитого кофе, то ли от чего-то более зловещего.

– И это... «критическое дополнение»? – Голос Анны разрезал тишину, как скальпель. Она отпила вина, не сводя с него глаз. – Похоже на чей-то старый мусор. Ты уверен, что курьер не ошибся адресом?

– Возможно, – Марк быстро накрыл блокнот ладонью, стараясь спрятать его от света свечей. – В нашем бизнесе много сумасшедших: бывшие клиенты, непризнанные гении... Они любят присылать свои «гениальные» мысли в надежде на рецензию.

– Но этот курьер знал, где ты живешь. И он знал, как обойти твою хваленую систему «Периметр». – Анна поставила бокал на стол. Звук хрусталя о мрамор был сухим и окончательным. – Тебя это не беспокоит?

Марк заставил себя взять вилку. Ему нужно было показать, что всё под контролем. Что этот старый кусок кожи не имеет над ним власти.

– Завтра я вызову техников, – бросил он, сосредоточенно разрезая рыбу. – Скорее всего, дело в обновлении прошивки камер. А курьер... вероятно, это кто-то из старых субпод-

рядчиков. У них могли остаться коды доступа от этапа строительства.

Он лгал, и знал, что ложь звучит дешево. Коды менялись трижды. Но Анна лишь кивнула, принимая это объяснение, или делая вид, что принимает.

– Ешь, Марк. Ты совсем не притронулся к еде. А нам еще нужно обсудить отпуск. Ты обещал, что после тендера мы уедем на пару недель.

Отпуск. Море. Солнце. Мысль об этом сейчас казалась Марку абсурдной, как попытка обсуждать цвет штор в горящем доме. Как он может уехать, когда его крепость пала? Когда кто-то стоит в лесу и смотрит, как он ужинает?

– Да, конечно, – пробормотал он. – Посмотрим билеты в выходные.

Тишина в столовой стала густой, почти осязаемой. Марк слышал только тихий стук приборов и собственное дыхание. Ему казалось, что панорамные окна за его спиной начали медленно сжиматься, превращая просторную залу в узкий коридор.

Он чувствовал ежедневник под своей ладонью: тот словно пульсировал, требуя внимания. В нем была скрыта правда, которую Марк замуровал в бетонные перекрытия своего прошлого.

– Я, пожалуй, пойду к себе, – Марк встал так резко, что стул жалобно скрипнул по полу. – Что-то разболелась голова. Наверное, сказывается давление.

– Конечно, дорогой, – Анна даже не подняла головы. – Оставь тарелку, я сама всё уберу. Иди отдыхай.

Марк подхватил пакет с ежедневником и почти бегом направился к лестнице. Он чувствовал ее взгляд на своей спине – тяжелый, изучающий. Была ли она причастна к этому? Могла ли она, его тихая и преданная Анна, вести свою игру? Эта мысль, однажды возникнув, начала стремительно разрастаться, как раковая опухоль.

Он заперся в спальне. Щелчок замка принес минутное облегчение. Это была самая защищенная комната в доме – с бронированной дверью и звукоизоляцией, превращавшей помещение в вакуумную камеру.

Марк бросил пакет на кровать и сел в кресло напротив. Сердце колотилось в горле. Он вытащил ежедневник. Резинка лопнула под его пальцами со звуком выстрела. Кожа пахла пылью и чем-то сырым, кладбищенским. Он открыл первую страницу – там не было чертежей, там не было списков дел.

На пожелтевшем листе каллиграфическим, пугающе аккуратным почерком была написана всего одна фраза:

«У каждого фундамента есть предел прочности. Твой – уже треснул».

Ниже стояла дата. Сегодняшнее число. И подпись – одна буква «В», обведенная в круг, напоминающий прицел.

Марк закрыл глаза. Комната поплыла. Он вспомнил тот день на стройке. Скрежет металла. Пыль. И голос человека,

который кричал его имя из-под завалов. Голос, который он предпочел не услышать.

В дверь спальни тихо постучали.

– Марк? – голос Анны из-за двери звучал странно – слишком мягко, почти вкрадчиво. – Ты забыл телефон в столовой. Тебе кто-то звонит. Скрытый номер.

Марк посмотрел на ежедневник, затем на дверь – ловушка захлопнулась.

Глава 2

Эхо в пустом доме

Марк смотрел на дубовое полотно двери. В этом доме всё было звуконепроницаемым, но сейчас ему казалось, что он слышит даже дыхание Анны по ту сторону. Оно представлялось ему свистящим, прерывистым, совсем не похожим на спокойный ритм женщины, с которой он прожил пять лет.

– Марк? – повторила она. – Ты меня слышишь? Телефон не умолкает.

Он медленно поднялся с кресла. Ежедневник остался лежать на покрывале – раскрытая рана на безупречно заправленной постели. Марк накрыл его декоративной подушкой, словно пытаясь спрятать улику от собственного взгляда, и подошел к двери.

Щелчок замка прозвучал в тишине спальни как приговор.

Анна стояла в коридоре, освещенная лишь мягким ночным светом плинтусной подсветки. В её руке вибрировал его смартфон. Экран слепил мертвенно-голубым: «Номер скрыт».

– Спасибо, – Марк забрал телефон. Его пальцы на мгновение коснулись её кожи. Она была холодной, как стекло панорамных окон. – Наверное, из офиса. Опять что-то со смет-

чиками.

– В одиннадцать вечера? – Анна чуть прищурилась. – Ты же сам запретил им звонить тебе после семи. Сказал, что архитектура требует тишины.

– Сегодня особый случай, – он выдавил подобие улыбки. – Тендер меняет правила. Иди спать, Аня. Я скоро буду.

Она кивнула, но не двинулась с места. Она смотрела на него так, словно видела сквозь него – прямо туда, под подушку, где лежал ежедневник с обведенной в прицел буквой «В».

– Спокойной ночи, Марк, – тихо произнесла она и развернулась.

Её шаги по мягкому ковровину были совершенно бесшумными. Марк дождался, пока закроется дверь гостевой спальни (сегодня она явно не собиралась спать с ним), и прижал телефон к уху. Он не стал нажимать «ответить». Вибрация прекратилась сама собой.

На экране высветилось: «1 пропущенный вызов». И тут же, следом, пришло сообщение. Короткое, как удар ножа.

«Бетон не прощает пустот, Марк. Ты заполнил их ложью. Настало время для испытания под нагрузкой».

Марк почувствовал, как по комнате прошел сквозняк, хотя окна были заперты. Это был профессиональный жаргон. «Испытание под нагрузкой», «пустоты в бетоне»... Тот, кто писал это, знал его работу, знал его страхи.

Он сел на край кровати, чувствуя, как под ним пружинит дорогой матрас. Пять миллионов евро. Именно столько сто-

ил этот участок и дом. Он строил его как крепость, как памятник своему успеху, который никто не сможет оспорить. А теперь он сидел здесь, в самом сердце своей империи, и боялся нажать на кнопку обратного вызова.

Его взгляд снова упал на ежедневник. Он вытащил его из-под подушки и перелистнул страницу.

Там был набросок. Уголь, размашистые штрихи, рука мастера. Это был фасад его собственного дома. Но на рисунке он выглядел иначе: стены были покрыты глубокими трещинами, из которых лезли корни мертвых деревьев. А в центральном окне – в том самом, где они только что ужинали – были нарисованы две крошечные фигуры. Марк и Анна. Они сидели за столом, но вместо лиц у них были пустые овалы.

Под рисунком стояла подпись: **«Объект: Дом лжеца. Стадия: Разрушение».**

Марк захлопнул книгу. Дыхание стало частым, поверхностным. Ему нужно было действовать. Он не мог просто сидеть и ждать, пока прошлое выломает дверь.

Он открыл ноутбук. Пальцы летали по клавишам, вводя пароли доступа к архивам компании, которые он не открывал почти десятилетие. Папка «Проект 04/12». Складской терминал в порту.

Файлы загружались медленно. Марк смотрел на индикатор, и каждая секунда казалась ему часом. Наконец, экран заполнили синие линии чертежей.

Вот он – тот самый узел крепления балки. На чертеже он

выглядел идеально. Но Марк помнил ту ночь в офисе, когда он, еще молодой и амбициозный, изменил маркировку стали в спецификации. Всего одна цифра. Маленькое «уточнение», которое позволило сэкономить бюджет и выставить Виктора некомпетентным фантазером, не умеющим считать деньги заказчика.

Он не думал, что балка рухнет. Он думал, что она просто даст прогиб, который заставит комиссию усомниться в профессионализме главного архитектора.

Но бетон решил иначе.

Внизу, в гостиной, что-то глухо ударило. Марк замер. Звук был тяжелым, металлическим, словно кто-то уронил на пол стальную плиту.

– Аня? – крикнул он, подбегая к двери.

Тишина.

Он выскочил в коридор. Свет в доме жил своей жизнью: диммеры медленно угасали, погружая пространство во тьму, а затем вспыхивали на полную мощность. Дом словно бился в конвульсиях.

– Анна! Это не смешно! – Марк начал спускаться по лестнице, чувствуя, как под ногами дрожит дерево.

Он выбежал в гостиную и застыл. Панорамное окно, которое всего час назад было его гордостью, теперь было покрыто тонкой сетью трещин. Они расходились от центра, напоминая огромную паутину. А в самом центре, прямо в стекле, застрял стальной шарик от подшипника. Но пугало не

это. На белой стене, прямо над их обеденным столом, черной краской было выведено слово, которое Марк надеялся забыть навсегда:

«ИНЖЕНЕР».

Так звали Виктора в их старом бюро.

Марк обернулся, ища глазами Анну. Она стояла у окна, спиной к нему. Её фигура казалась неподвижной, почти каменной.

– Аня, отойди от стекла, оно может рухнуть! – Марк бросился к ней, но на полпути остановился.

Она медленно повернулась. В её руках была открытая банка черной краски. Её ладони были испачканы вязкой жидкостью, а на лице застыла странная, отсутствующая маска.

– Ты видишь это, Марк? – прошептала она. – Дом начал говорить. Ты слышишь, как он стонет под нагрузкой?

Марк стоял неподвижно. Запах свежей эмали – резкий, химический, бьющий в ноздри – заполнил стерильное пространство гостиной. Этот запах был здесь чужим. В доме Марка пахло только кофе, дорогим деревом и амбициями. Краска была словно плесень, внезапно проступившая на идеальном теле.

– Аня... – его голос прозвучал тише, чем он ожидал. – Положи банку. Пожалуйста.

Она не двигалась. Черная капля сорвалась с её пальца и негромким влажным шлепком упала на белый мраморный пол. Пятно медленно растекалось, впитываясь в пористую

структуру камня. Для Марка этот звук был сродни стону – он видел, как уничтожается вещь стоимостью в несколько тысяч евро, но не мог пошевелиться.

– Ты помнишь, как ты выбирал этот цвет? – Анна наконец заговорила. Её голос был лишен эмоций, плоский и сухой. – Ты сказал, что стены должны быть как чистый лист, чтобы на них не было ничего лишнего. Ни теней, ни памяти. Только будущее.

– Аня, ты не в себе. У тебя был тяжелый день. – Марк сделал осторожный шаг вперед, как к раненому зверю. – Дай мне банку. Мы всё исправим. Утром приедут клинеры, они всё отмоют. Это просто краска.

– Это не просто краска, Марк. – Она медленно подняла руку, испачканную черным. – Это то, что проступает сквозь твой бетон. Ты так старался его загладить, зашлифовать до зеркального блеска, но он всё равно помнит.

Марк подошел вплотную. Он, чувствуя исходящий от неё холод, осторожно взял её за запястье. Она не сопротивлялась. Пальцы Анны были липкими и тяжелыми. Марк аккуратно разжал её ладонь и забрал банку.

«Инженер». Слово на стене насмеялось над ним. Буквы были неровными, с длинными подтеками, похожими на черные слезы.

– Иди наверх, – скомандовал он, стараясь вернуть себе тон лидера. – Иди в ванную, смой это с себя. Я... я сейчас всё приберу.

Анна посмотрела на него – долго, пронзительно. В её глазах на мгновение мелькнуло что-то похожее на жалость. Или на страх. Она ничего не сказала, просто развернулась и пошла к лестнице, оставляя на полу едва заметные черные следы.

Марк остался один.

Он опустился на колени прямо в лужу краски, ему было плевать на дорогие брюки, поэтому схватил со стола льняную салфетку и начал неистово тереть мрамор, но краска не поддавалась. Она размазывалась по поверхности, превращая белое поле в грязное серое месиво.

– Проклятье, – прошипел Марк.

Он тер до тех пор, пока костяшки пальцев не покраснели, но чем больше старался, тем хуже становилось. Это было метафорой всей его жизни: попытка скрыть одну ошибку порождала еще большую грязь.

Он поднял голову и посмотрел на надпись. «ИНЖЕНЕР».

Кто это сделал? Анна? Если она, то откуда она знает это слово? Он никогда не называл ей Виктора по прозвищу. Для неё он был просто «бывшим коллегой, который не справился с нагрузкой».

Марк встал и подошел к стене. Он коснулся пальцем буквы «И». Краска была еще совсем влажной, но когда перевел взгляд на банку, которую забрал у Анны, он заметил кое-что странное.

Банка была старой. Этикетка на ней выцвела, а на крышке

был слой пыли. Это была не та краска, которую можно купить в строительном гипермаркете за углом. Марк присмотрелся к маркировке.

«СМУ-14. Спецзаказ».

Холод в животе превратился в ледяной ком. СМУ-14 – это управление, которое занималось тем самым портовым терминалом восемь лет назад. Краска, которой помечали балки перед заливкой.

Эта банка не могла быть у Анны. Она не могла лежать в их кладовке.

Марк медленно обернулся к панорамному окну. Сеть трещин в стекле по-прежнему была там. В центре – стальной шарик. Он выглядел как зрачок огромного, немигающего глаза, который наблюдал за ним из темноты леса.

Марк понял, что Анна не «сошла с ума». Она была лишь инструментом. Кто-то зашел в их дом, пока они ужинали. Кто-то поставил эту банку на стол, пока он был в кабинете, а она... Что делала она? Почему она не кричала?

Марк бросил грязную салфетку на пол. Ему нужно было проверить камеры еще раз, но теперь он не пойдет в кабинет.

Он достал телефон – тот самый, со скрытым номером, нажал на «ответ» и прижал трубку к уху.

Сначала была тишина, плотная, тяжелая, в которой слышался лишь далекий, едва уловимый гул – звук, похожий на работу тяжелой строительной техники, а затем раздался голос. Это был не голос Виктора, это был голос, измененный

модулятором, механический и холодный.

– Красивый дом, Марк. Но ты забыл про деформационные швы. Конструкция начинает «гулять». Слышишь этот треск? Это твоя жизнь дает усадку.

– Кто ты? – выкрикнул Марк в пустоту гостиной. – Что тебе нужно? Деньги? Я заплачу. Только оставь нас в покое.

– Деньги не заменят восемь лет в пустоте, – ответил голос. – Мне не нужны твои миллионы. Мне нужно, чтобы ты посмотрел в зеркало и увидел там то, что вижу я – гниль в фундаменте.

Связь оборвалась.

Марк стоял посреди своей роскошной гостиной, окруженный черными пятнами краски и треснувшим стеклом. Он посмотрел на свое отражение в зеркальном панно. Его лицо было бледным, глаза лихорадочно блестели. И в этот момент он действительно увидел это – крошечную, почти незаметную трещину, идущую прямо по центру его отражения.

Или это была трещина на самом зеркале?

Марк протянул руку к зеркальному панно. Его пальцы, испачканные в подсыхающей черной краске, дрожали. Он коснулся холодного стекла именно в том месте, где тонкий, волосяной зигзаг рассекал его лоб и уходил вниз, к подбородку.

Гладко. Под подушечкой пальца не было ничего, кроме идеальной, полированной поверхности.

Он отступил на шаг. Трещина осталась. Она не исчезла от смены угла обзора, не бликовала. Она просто была там –

глубокий дефект внутри самой амальгамы, словно зеркало решило лопнуть изнутри, не повредив внешнюю оболочку.

– Это невозможно, – прошептал Марк. – Напряжение материала...

Как архитектор, он знал всё о точках излома. Зеркало такой толщины не могло треснуть без внешнего удара, а удара не было.

Марк резко обернулся к пульту управления светом, который он только что вырвал из стены. Ему нужно было больше света, но вместо этого гостиная погрузилась в серые сумерки – аварийное питание едва поддерживало жизнь в светодиодных лентах под потолком.

В этой полутьме дом начал меняться. Бетонные колонны, которыми он так гордился, теперь напоминали ноги огромного затаившегося животного. Тишина стала тяжелой, как толща воды.

– Где ты прячешься? – Марк сорвался на крик. – Выходи! Я знаю, что ты здесь!

Он бросился к кладовой под лестницей. Там, за ровными рядами инструментов, хранился его старый диагностический набор: тепловизор и детектор радиочастот. Он покупал их для проверки экранирования в офисе, но никогда не думал, что будет искать «жучки» в собственной спальне. Его руки работали механически. Он вставил аккумулятор в прибор. Синий экран детектора ожил, высветив ровную линию фона. Вай-фай, блютуз-колонки, датчики «умного дома» –

всё это было его цифровым легионом, а теперь каждый из этих приборов казался ему предателем.

Марк начал обход.

Он шел вдоль стен, ведя прибором по швам бетонных плит. Он заглядывал в каждую розетку, прижимал датчик к решеткам вентиляции. Шкала детектора оставалась издевательски спокойной.

– Ничего... – пробормотал он. – Совершенно ничего.

Это пугало сильнее, чем если бы он нашел десяток прослушек. Если сигналов нет, значит, враг либо слишком умен для бытового детектора, либо... враг находится в его собственной голове.

Он поднялся на кухню. Его взгляд упал на вытяжку. Тот самый «Инженер», если это был он, знал, как Марк дорожит чистотой линий.

Марк взял со столешницы тяжелую отвертку.

Хруст.

Декоративная панель из каленого стекла лопнула под стальным жалом. Марк рванул её на себя, не заботясь о том, что осколки режут ему ладони. За панелью была лишь пустота и гофрированная труба. Он засунул руку внутрь, обдирая кожу об острые края металла.

– Марк! Что ты делаешь?!

Он вздрогнул. На верхней площадке лестницы стояла Анна. Она была в белом халате, который в полумраке казался саваном. Её лицо было мертвенно-бледным.

– Они слушают нас, Аня! – выкрикнул он, вытирая пот со лба окровавленной рукой. – Весь этот дом... это одна большая западня! Ты понимаешь? Тот звонок... он был изнутри системы!

– Здесь никого нет, Марк. Только ты и я. – Её голос дрожал от подступающего ужаса. – Посмотри на себя. Ты разрушаешь наш дом. Ты ведешь себя как безумец.

Марк посмотрел на свои руки. Окровавленные, испачканные краской и известковой пылью. Он посмотрел на выпотрошенную кухню. На пол летели куски изоляции и пластика. Его идеальный мир выглядел как место зверского обыска.

– Я просто хочу... – он осекся. – Я должен найти врезку.

– Ты находишь только то, что хочешь увидеть, – тихо произнесла Анна. Она начала медленно отступать вглубь коридора. – Я иду в гостевую спальню. И я запру дверь, Марк. Не приходи ко мне.

Она развернулась и ушла. Щелчок замка на втором этаже прозвучал для Марка как выстрел в упор.

Он остался один в полуразрушенной гостиной. Он сел прямо на пол, среди обломков дорогого интерьера. В его кармане что-то тяжело заерзало.

Ежедневник.

Марк достал его. Кожа переплета была теплой, словно книга всё это время грелась о его тело. Он открыл вторую страницу.

Там, под наброском треснувшего фасада, появилась новая

запись, написанная карандашом, грифель которого еще поблескивал на свету аварийных ламп.

«Разрушение начинается изнутри. Ты справляешься лучше, чем я ожидал. Продолжай копать. Фундамент уже обнажен».

Марк выронил книгу. Он не выпускал её из рук с того момента, как вошел в дом, не оставляя её ни на секунду.

Кто это написал? И когда?

Он посмотрел на свои пальцы. На подушечке большого пальца остался серый след от свежего графита.

Марк замороженно смотрел на свой палец. Тонкий серый мазок графита на коже казался ему клеймом. Он судорожно вытер руку о штанину, но след лишь размазался, въедаясь в поры кожи, как въедалась в его жизнь эта старая тайна.

– Нет... – выдохнул он в пустую гостиную. – Это не я. Это просто пыль. Грязь из-под плинтуса.

Он поднял ежедневник с пола, брезгливо, словно это была ядовитая рептилия. Книга молчала. Страницы, исписанные его собственным (или пугающе похожим на его собственный) почерком, казались теперь не угрозой извне, а манифестом его безумия.

Если он сам написал это – когда? Пока поднимался по лестнице? Пока стоял у окна, замороженный трещиной? Но он не помнил, чтобы доставал карандаш. Вообще не помнил, чтобы в этом доме был хоть один карандаш – он давно перешел на цифровые планшеты и стилусы.

Марк рванулся к кухонному острову. Его движения стали дергаными. Он начал рыться в ящиках, вываливая на мраморную столешницу серебряные вилки, бамбуковые лопатки, кольца для салфеток.

Грохот. Скрежет металла.

Марк искал карандаш. Тот самый, графитовый, с запахом кедра, который оставил след на его пальце.

– Где он?! – закричал хозяин дома, сбрасывая на пол дорожную фарфоровую вазу. Она разлетелась на тысячи белоснежных осколков, но Марк даже не вздрогнул.

Он не нашел карандаша. Зато в самом дальнем углу ящика, под стопкой льняных полотенец, его пальцы наткнулись на что-то холодное и тяжелое.

Марк вытащил это на свет.

Это был **отвес**. Старинный конусообразный грузик на засаленной бечевке. Инструмент, которым пользовались строители задолго до появления лазерных уровней. Отвес был покрыт слоем старой, въевшейся ржавчины и бетонной крошки.

Марк почувствовал, как во рту стало горько. Этот отвес принадлежал **Виктору**. Тот всегда таскал его с собой, называя «единственным честным судьей в мире кривых стен».

– Как ты здесь оказался? – прошептал Марк.

Он поднял отвес за бечевку. Грузик начал медленно раскачиваться, описывая круги над осколками вазы. И в этой мертвой тишине дома Марку показалось, что он слышит ти-

хий, ритмичный стук.

Тук. Тук. Тук.

Звук шел не из кухни. Он шел сверху. Со стороны гостевой спальни, где заперлась Анна.

Марк бросил отвес на стол и бросился к лестнице. Его тяжелые шаги по дубовым ступеням теперь не звучали уверенно – это был бег человека, который пытается убежать от обвала, начавшегося прямо у него под ногами.

– Анна! – он ударил плечом в запертую дверь. – Анна, открой! У тебя всё в порядке?

Тишина.

– Аня, ответь мне!

Он прижался ухом к холодному полотну двери – звук прекратился. А затем раздался снова – на этот раз отчетливее. Это не был стук в дверь. Это был звук **чего-то тяжелого, что тащат по полу**. Скрип дерева о дерево, глухое натужное трение.

Марк не стал больше звать. Он отступил на пару шагов, разбежался и всем весом обрушился на дверь.

Раздался сухой треск. Замок, за который он заплатил баснословные деньги как за гарантию приватности, не выдержал. Дверь распахнулась, ударившись о стену. Марк ворвался в комнату и замер.

В спальне не было света, только бледная луна пробивалась сквозь незашторенное окно. Анна не лежала в кровати. Она стояла в центре комнаты, спиной к нему. Она была одета в

свое серое шелковое платье, но оно было все в белой пыли. Плечи её мелко дрожали.

– Аня... – Марк сделал шаг к ней.

Он опустил взгляд на пол и почувствовал, как крик застревает у него в горле.

Весь пол в гостевой спальне был исцарапан. Глубокие, рваные борозды в дорогом паркете шли от окна к кровати. И в центре этих борозд лежал **огромный кусок бетонной балки**. Старой, серой, с торчащими во все стороны кусками ржавой арматуры, похожими на обломанные ребра.

Эта глыба весила не меньше ста килограммов. Физически было невозможно поднять её сюда, на второй этаж, через запертые двери.

– Откуда... – Марк задыхался. – Откуда это здесь, Анна?

Она медленно повернулась. Её лицо было совершенно спокойным, но глаза... в них не было зрачков, только отражение лунного света, делавшее её похожей на слепую статую.

– Ты же сам просил проверить нагрузку, Марк, – произнесла она.

Голос был её. Но интонация... так говорил Виктор. Медленно, с расстановкой, чуть растягивая гласные.

– Ты сказал, что расчеты верны. Ты сказал, что фундамент выдержит всё. – Она сделала шаг к нему, и Марк увидел, что её босые ноги изрезаны осколками паркета, но она не чувствовала боли. – Так почему же я чувствую, как мы падаем?

Марк отступил. Слова Анны, произнесенные этим чужим,

бесстрастным тоном, ударили его в грудь сильнее, чем если бы она его толкнула. Он смотрел на её ноги – тонкие, бледные, по ним стекали узкие рубиновые нити, пачкая светлый паркет и серый бетон балки. Но она не моргала. Она смотрела сквозь него, туда, где за панорамным окном спальни бесновался в порывах ветра ночной лес.

– Аня, ты бредишь... – прошептал он, пятясь к выходу. – Ты ранена. Тебе нужно сесть.

– Падение – это не всегда движение вниз, Марк, – она склонила голову набок, и её волосы, обычно идеально уложенные, теперь висели спутанными прядями. – Иногда это просто осознание того, что опоры больше нет. Ты ведь это чувствуешь? Тот гул в перекрытиях. Это не ветер.

Марк не выдержал. Он развернулся и выбежал из комнаты, почти физически ощущая, как ледяной холод, исходящий от бетонной глыбы, лижет ему затылок. Он не побежал вниз. Он заперся в своем основном кабинете, навалившись спиной на тяжелую дверь.

Здесь, среди макетов из белого пластика и мониторов, он надеялся найти убежище, но тьма была и здесь.

Он, не включая свет, сел в свое рабочее кресло, сжимая в руках ежедневник. Его пальцы судорожно перебирали страницы. Он искал логику, искал расчет, который докажет, что всё происходящее – лишь изощренная галлюцинация, вызванная истощением.

«Это просто газ, – думал он, вглядываясь в темноту. – Ка-

кая-то утечка. Или Анна... она могла что-то подсыпать мне. Те курьеры... они могли закачать что-то в систему вентиляции».

Марк вцепился в эту мысль как в спасательный круг. Химия. Галлюциногены. Это объясняло и балку, которую невозможно поднять, и голос Анны, и трещину в зеркале. Ему нужно было просто дождаться утра, очистить легкие, вызвать специалистов, провести детокс дома. Но тишина не давала ему покоя.

Скрип. Крак.

Дом продолжал «говорить». Марк слышал, как напрягается металл в стенах, как бетон, его любимый, «честный» материал, стонет под невидимой нагрузкой. Ему казалось, что он слышит шепот десятков людей, замурованных в эти стены.

– Я всё рассчитал... – пробормотал он, закрывая глаза. – Коэффициент запаса – один и два. Армирование по ГОСТу. Ошибки быть не могло.

Он открыл ежедневник на случайной странице. В слабом свете уличного фонаря, пробивающегося сквозь кроны деревьев, он увидел новый набросок.

Это был **чертеж человеческого сердца**. Но оно было выполнено в разрезе, как строительный узел. Вместо клапанов – заслонки. Вместо сосудов – медные трубы. И всё оно было заполнено густым, черным бетоном. Сверху стоял штамп: **«АННУЛИРОВАНО. БРАК МАТЕРИАЛА»**.

Марк отшвырнул книгу. Она ударилась о макет музейного

квартала, сминая хрупкие пластиковые стены.

Хозяин дома провел остаток ночи в этом кресле, борясь с желанием закрыть глаза. Каждый раз, когда веки тяжелели, ему чудилось, что пол под ним начинает медленно наклоняться, что дом, стеклянная крепость, медленно сползает в овраг, увлекая его за собой в черную пасть леса.

Он смотрел на часы. Время застыло. Секундная стрелка на настенных часах «Braun» дергалась, но не могла сдвинуться с места, словно механизм забило песком. Запах сырой пыли стал невыносимым.

Когда небо за окном начало менять цвет с угольно-черного на грязно-серый, Марк всё еще сидел неподвижно. Его глаза покраснели от напряжения, руки застыли в неестественной позе. Он ждал рассвета как избавления, но в глубине души знал: солнце не растворит этот бетон. Оно лишь сделает его тени более четкими.

Марк поднялся, когда первые холодные лучи коснулись изуродованного макета на столе. Его тело было деревянным, чужим.

– Пора заканчивать проект, – произнес он чужим, надтреснутым голосом и вышел из кабинета.

В коридоре было тихо. На полу у гостевой спальни запеклись бурые пятна – следы Анны. Сама дверь была приоткрыта.

Марк подошел к лестнице и посмотрел вниз, в гостиную. Там, внизу, у подножия лестницы, стоял **Виктор**.

Он был в своей старой рабочей куртке, испачканной цементом. Его лицо было скрыто тенью, но Марк узнал этот наклон головы. В руках Виктор держал старый теодолит.

Марк моргнул. Фигура исчезла.

На месте, где только что стоял человек, лежал лишь **слой серой строительной пыли**, отчетливо видимый в утреннем свете.

Марк вернулся в свою главную спальню. Он запер дверь на три оборота механического замка – цифровая панель доверия больше не внушала. В комнате было темно, только полоса лунного света разрежала огромную кровать на две неравные части.

Он не стал раздеваться. Просто рухнул поверх тяжелого покрывала, не снимая туфель. Ему казалось, что если снимет обувь, то станет окончательно беззащитным.

– Это просто ночь. Просто долгая, хреновая ночь, – прошептал он в подушку и закрыл глаза.

Сначала пришла тишина. Плотная, ватная, она давила на барабанные перепонки, но через минуту в этой тишине проступили звуки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.